

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

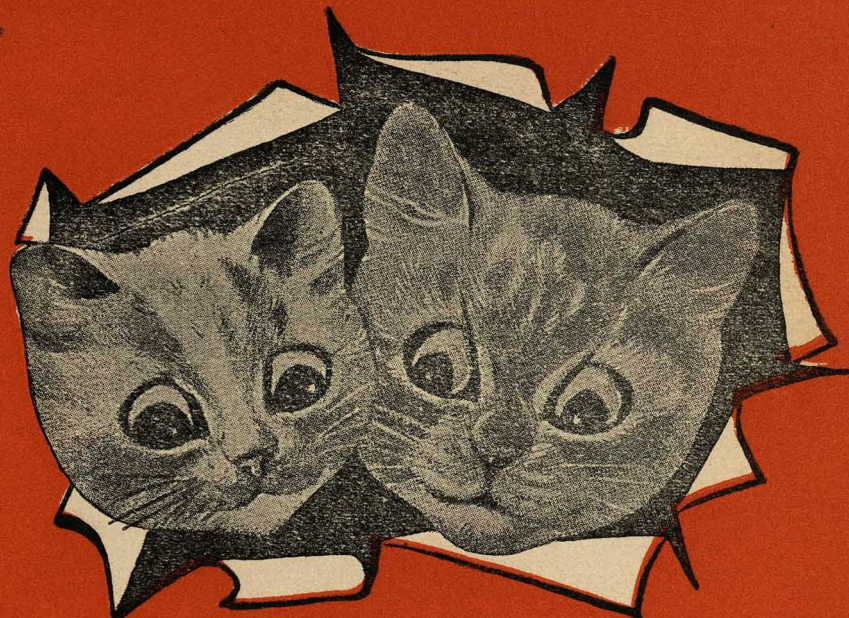
XVII $\frac{45}{10}$

Годъ изданія третій

ОКТЯБРЬ

№ 23.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

ЛАСТОЧКИ.
ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.
БѢЛАЯ-РОЗА.
СЛѢПОЙ И НИЩАЯ.
НЕОВИТАЕМЫЙ ОСТРОВЪ
ГОЛОВОЛОМКИ И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІА:

„Съдая Старина“ (легенды о быломъ), соч. А. Гербертсонъ (листь 6-й съ раскрашенной картинкой).

Решение Комитета по делам печати, издательству, полиграфии и книжному делу
Секретариат Комитета по делам печати, издательству, полиграфии и книжному делу

1924 г. 10 октября
ОКЛАМА

ВЕРХНИЙ УРАЛ

Секретариат Комитета по делам печати, издательству, полиграфии и книжному делу

Секретариат
Комитета по делам печати,
издательству, полиграфии
и книжному делу
Секретариат

№ 23. Октябрь, 1910.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Урокъ музыки.

Л А С Т О Ч К И.

Когда я былъ маленькимъ, мой папа купилъ землю и рѣшилъ постройться на ней, чтобы не жить въ городѣ. Скоро на дикомъ берегу рѣки появилась среди лѣса хорошенькая, уютная усадьба, въ которой и протекло все мое дѣтство. Папа очень заботился объ этомъ имѣніи, каждый гвоздь мы вколачивали въ немъ съ любовью и каждое посаженное деревцо берегли, какъ драгоценность. Однимъ словомъ это наше имѣніе было для насъ дорого, потому что мы всѣ, и старые, и малые, создали его своими руками и все въ немъ было для насъ полно милыхъ воспоминаній.

На другой годъ, какъ мы поселились въ немъ, у насъ на заднемъ дворѣ появилась крапива. Ее никто не сѣялъ, не сажалъ, а взялась она откуда-то сама собою.

— Это вѣрный другъ человѣка, указалъ намъ на нее папа.— Собака, крапива и воробей всюду слѣдуютъ за людьми.

И дѣйствительно, года черезъ два появились у насъ и воробьи. Откуда они прилетѣли къ намъ, мы такъ и не знали.

— Теперь нужно, чтобы у насъ появились еще и ласточки, сказалъ отецъ.— Съ самыхъ древнихъ временъ появленіе ихъ считается предзнаменованіемъ счастья.

Мы всѣ были счастливы, жили мирно, довольствовались только тѣмъ, что имѣли, радовались на Божій миръ и потому были увѣрены, что ласточки обязательно рано или поздно къ намъ прилетятъ.

Стояла суровая зима, мы очень зябли въ нашемъ новомъ, еще неприспособленномъ домѣ, и вдругъ настала теплая, пріятная весна. Она казалась намъ роскошной послѣ зимнихъ холодовъ. Деревья какъ-то сразу вдругъ одѣлись въ пышную листву еще задолго до Пасхи и очень рано зацвѣли ирисы и тюльпаны. И вотъ около 15-го апрѣля въ нашей усадьбѣ вдругъ раздался радостный для насъ крикъ:— «Титивистъ!»

Къ намъ прилетѣли ласточки!

Папа, мама, братъ, я и сестра выбѣжали на дворъ привѣтствовать милыхъ летуній.

— Здравствуйте! Здравствуйте! кричала имъ маленькая сестра.— Добро пожаловать!

Ласточки съ пискомъ влетали въ чердакъ надъ конюшней и вылетали изъ него. Очевидно, онѣ принялись уже за гнѣздо.

Съ этой минуты вся жизнь для меня сразу получила какой-то особый интересъ. Мы построили нашу усадьбу на пустынномъ мѣстѣ, она нравилась намъ и теперь вдругъ получила одо-

бреніе и отъ птицъ. Значить, у насъ дѣйствительно было хорошо.

Появились ласточки еще и еще и всѣ онѣ выбрали для своихъ гнѣздъ мѣста подъ крышей, такія, куда не проникалъ-бы къ нимъ вѣтеръ и дождь. Все время я былъ около нихъ, глядѣлъ, какъ онѣ устраивали себѣ гнѣзда, и онѣ меня не боялись ни сколько.

— Не безпокойся, сказалъ мнѣ отецъ,—ласточка отлично понимаетъ, кто ей врагъ и кто желаетъ ей добра. Можешь близко подходить къ ея гнѣзду и, если ты не имѣешь намѣренія обидѣть ее, то и она не будетъ тебя ни сколько стѣсняться. Вообще ласточки очень умны!

Я сталъ слѣдить, какъ ласточки будутъ дѣлать себѣ гнѣздо и убѣдился лично, что онѣ дѣйствительно очень умны. Надъ устройствомъ гнѣзда трудились обѣ: и самка, и самецъ. Съ радостнымъ пискомъ онѣ проносились надъ грязной лужей, образовавшейся у насъ на скотномъ дворѣ, хватали изъ нея комочки грязи, подлетали съ ними къ своему гнѣздовью и приклеивали эти комочки къ балкѣ. Очевидно, они эту грязь смѣшивали для липкости со своей слюной. Скоро изъ этихъ комочковъ, сквозь которые для прочности онѣ пропускали стебельки и волосы, образовалось уютное гнѣздышко, похожее на половинку апельсина. Проработавъ надъ устройствомъ его ровно 8 дней, ласточки выстлали затѣмъ внутри его пухомъ, который подобрали у насъ

въ курятникѣ, и разными сухими лепестками и принялись за высидку яицъ. Мнѣ ужасно хотѣлось поглядѣть на ихъ яички. Я подставилъ къ стѣнѣ лѣстницу, взобрался на стропила и заглянулъ въ гнѣздо.

Въ немъ оказалось четыре бѣленькихъ яичка, покрытыхъ темными крапинками. Затѣмъ, съ нетерпѣніемъ я сталъ ожидать, когда выведутся изъ нихъ птенцы. На яйцахъ сидѣла одна только мать. Самецъ леталъ поволѣ взадъ и впередъ, весело распѣвалъ свои пѣсни и такъ продолжалось ровно 12 дней. На 13-й день изъ яичекъ вывелись головастые, некрасивые птенцы, которыхъ отецъ и мать тотчасъ-же принялись кормить.

— Это оттого такъ рано вывелись птенцы, сказалъ мнѣ папа, — что стоитъ нынче теплая весна. Когда бываетъ холодно, то ласточки сидятъ на яйцахъ цѣлые 18 дней.

И я сталъ слѣдить за тѣмъ, какъ ласточки выкармливали своихъ дѣтей. Онѣ влетали и вылетали изъ чердака каждую секунду. Полетитъ, поймастъ насѣкомое, прилетитъ, сунетъ его въ ротъ птенчику и улетитъ снова на добычу. Я не видалъ, чтобы ласточка хоть одинъ разъ сѣла на землю. Она все дѣлала на лету. На лету она пила изъ рѣчки, на лету хватала насѣкомое и ѣла его или несла его дѣтямъ, на лету и купалась. Ея ножки были такъ устроены, что она могла ими только цѣпляться о что-нибудь, но отнюдь ими не ходить. Все время ласточки находились въ движеніи и

если день былъ ясный и въ воздухѣ летало много насѣкомыхъ, то онѣ были сыты и весело распѣвали, а если шелъ дождь и мелкія насѣкомыя прятались въ травѣ и по щелямъ, то ласточки уныло летали взадъ и впередъ и издавали только тревожные голоса «тилиликъ». Онѣ были голодны. У насъ были пчелы, которыя даже въ дурную погоду летали за медомъ, но ласточки ихъ вовсе не трогали. Вѣроятно потому, что боялись, какъ-бы онѣ ихъ не ужалили въ горло. Говорятъ, что отъ укуса пчелы ласточка тотчасъ-же умираетъ.

На третьей недѣлѣ молоденькія ласточки стали выползать на край гнѣзда. Имъ было еще страшно летать. И было очень забавно глядѣть, какъ родители спихивали трусишекъ прямо въ воздухъ и какъ маленькія птички цѣплялись за край гнѣзда и не хотѣли съ нимъ разставаться. У насъ была книжка нотъ, которую мама привезла намъ, дѣтямъ, изъ Швейцаріи, изъ Лозанны. Обыкновенно мама садилась за піанино и играла, а мы хоромъ пѣли. Въ этой книжкѣ была пѣсенка о ласточкѣ слѣдующаго содержания:

«На карнизѣ старой колокольни маленькая ласточка сидѣла на краю гнѣзда.

«Смѣлѣ!» говорила ей мать.— «Разверни свое крылышко пошире и бросайся внизъ!» Но маленькая ласточка не рѣшалась; она отвѣчала:— «Боюсь, мама, глубоко! Мои кры-

лышки еще слабы; я упаду и расшибусь». Но мать ей отвѣчала:— «Когда я была такая-же маленькая, какъ и ты, и мнѣ нужно было въ первый разъ бросаться съ нашей колокольни, то меня поддерживалъ самъ Господь! Открой-же, моя маленькая, милая ласточка, твои крылышки пошире и бросайся смѣло впередъ!» И маленькая ласточка бросилась съ гнѣзда въ глубину воздуха и—о, удивленіе, полетѣла. Теперь уже она не боялась ничего и стала описывать вокругъ церкви круги. А ея мать летала тутъ-же около нея, старалась при случаѣ ее поддержать, и радостно пѣла».

Казалось, что точь-въ-точь происходило то-же самое и здѣсь на стропилахъ нашей конюшни. Наконецъ кончилось тѣмъ, что родители спихнули своихъ дѣтей съ гнѣзда и они нерѣшительно полетали въ воздухъ, но не расшиблись, какъ имъ казалось, а полетали немного и опять возвратились къ себѣ въ гнѣздо. На другой и третій день малютки летали уже смѣлѣе, но ночевали всякій разъ дома, подъ крыльями родителей; родители-же ихъ и кормили. Черезъ недѣлю молодежь уже летала свободно и кормилась сама, а еще дня черезъ два она спала уже отдѣльно, уцѣпившись за стропила. Затѣмъ молодья ласточки разстались со своими родителями и улетѣли. Гнѣздышко опустѣло.

Наступило лѣто съ его ягодами, жатвой и массой удовольствій. Я по-

терялъ изъ виду своихъ пернатыхъ подругъ, собиралъ грибы, кувиркался въ сѣнѣ, купался и незамѣтилъ, какъ пришелъ августъ. Я вошелъ какъ-то въ конюшню и вдругъ услышалъ сверху, у стропиль, какой-то странный шумъ. Оказалось, что въ ласточкиномъ гнѣздѣ поселился воробей и обѣ ласточки его съ пискомъ оттуда выгоняли... Воробей не вылеталъ. Тогда на пискъ моихъ знакомцевъ слетѣлись другія ласточки и съ тревожными криками стали быстро подлетать къ воробью и отлетать отъ него, повидимому, стараясь его этимъ побудить къ тому, чтобы онъ вылетѣлъ изъ гнѣзда. Замѣтивъ, что воробей мало обращаетъ на нихъ вниманія, онѣ стали его клевать. Тогда онъ выпорхнулъ изъ гнѣзда, полетѣлъ и цѣлая масса ласточекъ погналась за нимъ вслѣдъ. Отогнавъ его далеко, всѣ ласточки возвратились каждая къ себѣ, а мои двѣ старыя знакомыя принялись за работу: онѣ стали замазывать входъ въ свое гнѣздо и скоро сдѣлали его такимъ узкимъ, что могли пролѣзть въ него только онѣ однѣ! Прилетѣлъ и воробей. Онъ оправился отъ страха и хотѣлъ-было вновь поселиться въ ласточкиномъ гнѣздѣ, но какъ ни силился пролѣзть въ него, такъ и не смогъ. Отверстіе оказалось слишкомъ узкимъ для него. Но каково было мое удивленіе, когда ласточки стали нестись въ немъ опять! Въ радости я побѣжалъ къ отцу.

— Папа, сказалъ я,—ты знаешь?

Ласточки занеслись во второй разъ! Я самъ видѣлъ въ ихъ гнѣздѣ яички!

Папа взглянулъ на небо и покачалъ головой.

— Это жаль, отвѣтилъ онъ.—По всему видно, что скоро начнутся холода! Онѣ не успѣютъ воспитать своихъ вторыхъ птенцовъ.

И дѣйствительно, августъ выдался такой холодный, что на Успенье былъ бѣлый морозъ и замерзла въ лужицахъ вода... Бѣдныя ласточки вывели своихъ птенцовъ только къ двадцатому числу, а 26-го выпалъ снѣгъ и засыпалъ на корню овесъ. Такъ мы теплой погоды больше и не видали.

— Бѣдныя ласточки! говорилъ отецъ.—Какъ-то онѣ перенесутъ эти холода!

Я часто подставлялъ лѣстницу и часто заглядывалъ къ нимъ въ гнѣздышко. Четыре голенькіе птенчика лежали въ немъ, какъ чайныя чашечки, сложенныя въ магазинѣ на одно блюдце, и было жалко на нихъ глядѣть. Кое-какъ они оперились и стали вылетать изъ гнѣзда.

Наконецъ въ одно утро я вышелъ на дворъ. Все было покрыто снѣгомъ и стоялъ морозъ. Ласточекъ уже не было. Уже не слышалось ихъ радостнаго писка и было такое чувство на душѣ, точно я кого-то лишился дорогого.

— Гдѣ ласточки? спросилъ я у отца.

— Улетѣли въ теплые края!.. отвѣтилъ онъ.—Да и пора!

— Куда-же именно?

— Въ Африку.

Я представилъ себѣ поля и лѣса, необозримыя пространства нашей родины, черезъ которыя ласточкамъ предстояло летѣть, Черное море съ его волнами и африканскія пустыни и сказалъ:

— Когда-то онѣ туда долетятъ?

Отецъ улыбнулся и отвѣтилъ:—

— О, не бойся! Ласточка летитъ такъ быстро, какъ ни одна изъ птицъ. Я гдѣ-то читалъ, что, вылетѣвъ вечеромъ изъ Англїи, ласточки на слѣдующую-же ночь уже ночуютъ въ Африкѣ, перелетѣвъ черезъ океанъ. Сегодня ночью ласточки улетѣли отъ насъ, нынче-же вечеромъ онѣ будутъ уже въ Крыму, завтра перелетятъ черезъ Черное и Средиземное море, а послѣ завтра будутъ уже въ Египтѣ и южнѣе. Ни одинъ поѣздъ въ мїрѣ, ни одинъ воздушный шаръ не мчатся такъ быстро, какъ онѣ.

Я вновь представилъ себѣ моихъ подругъ. Какъ онѣ будутъ счастливы, попавши въ теплые края, гдѣ пальмы высоко шелестятъ своими вершинами въ воздухѣ, гдѣ на вѣтвяхъ деревьевъ сидятъ обезьяны и красивые попугаи и гдѣ зрѣютъ апельсины и никогда не бываетъ зимы!

— Теперь онѣ тамъ снова выведутъ себѣ птенцовъ... задумчиво проговорилъ я.

— Нѣтъ, отвѣтилъ папа. — На чужбинѣ ласточка даже не поетъ. Она тоскуетъ по своей родинѣ, по

этой нашей конюшнѣ, гдѣ родилась, по нашимъ полямъ и лѣсамъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ того момента, когда можно будетъ возвратиться назадъ и поселиться опять въ своемъ прежнемъ гнѣздѣ.

— Какъ-же она найдетъ къ намъ дорогу опять? удивился я.

— Не знаю, отвѣтилъ отецъ.—И не знаетъ никто. Какъ находитъ дорогу къ намъ скворецъ? Какъ ласточка добирается именно до своего гнѣзда? Очевидно, ею руководитъ какая-то особая сила, которая направляетъ ее и которой мы еще не знаемъ. Эту силу принято называть чувствомъ направленія, и оно-то и присылаетъ къ намъ птицъ обратно весной.

Настала осень, за нею потянулась скучная, длинная зима. Я много учился, много съ отцомъ читалъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ того времени, когда снова наступитъ весна.

Но вотъ настала и она, съ ея яркимъ солнцемъ, съ ея ручьями и дождемъ и въ нашемъ саду растаяла снѣгъ и обнажилась земля. И какъ-то вечеромъ, когда еще свѣтило солнце и краснымъ шаромъ готово было закатиться за горизонтъ, къ намъ вбѣжалъ буфетный мужикъ Гаврило и во все горло закричалъ:

— Скворцы прилетѣли!

Мы всѣ выбѣжали на дворъ. На большомъ деревѣ, на его голыхъ вѣтвяхъ сидѣли возвратившіеся скворцы и радостно лопотали и свистали на весь дворъ. Чѣмъ-то роднымъ

отзывалось ихъ пѣніе на душѣ и мы стояли еще долго на крыльцѣ и смотрѣли на нашихъ гостей.

— Ну, теперь ужъ настоящая весна! сказалъ Гаврило.

— Нѣтъ, еще не настоящая, отвѣтилъ ему папа.—Вотъ когда возвратятся къ намъ ласточки, тогда будетъ уже настоящая, дѣйствительная весна!

Въ тотъ годъ Пасха была 18 апрѣля. Мы ѣздили къ заутрени въ сосѣднее село. Когда мы возвращались оттуда и было радостно и свѣтло у меня на душѣ, я вдругъ замѣ-

тилъ, что прилетѣли къ намъ и ласточки. Онѣ, попрежнему, съ пискомъ влетали на чердакъ и вылетали, и суетились у своего прошлогодняго гнѣзда.

Увидѣвъ ихъ, я остановился и, точно онѣ были люди, снялъ передъ ними шапку и закричалъ:

— Здравствуйте! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Съ пріѣздомъ!

Онѣ вили свое гнѣздо и теперь я имѣлъ полное право побѣжать къ отцу, броситься къ нему на шею и въ восторгѣ воскликнуть:

— Теперь уже настоящая весна!

С. Вершининъ.

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.

Октябрь... Плывутъ по небу тучи,
Пѣвцы померзли у крыльца,
Повсюду листьевъ желтыхъ кучи
И дождикъ, дождикъ безъ конца.

Проснешься утромъ—всюду иней,
Кругомъ все бѣло... былъ морозъ...
Притихло все, лишь гусь съ гусыней
Бредутъ туда, гдѣ былъ овесъ.

Но онъ ужъ сжать, ужъ тамъ вспахали,—
И гуси шествуютъ назадъ...
Пояло все, туманны дали
И ужъ въ поляхъ не слышно стада.

Кузнечикъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ:

Никогда не вернешь потеряннаго времени, никогда не исправишь сдѣланнаго зла.

(Джонъ Рёскинъ).

Похвальная черта въ человѣкѣ это—стыдливость, ибо стыдливый не скоро согрѣшитъ.

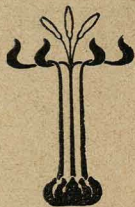
(Талмудъ).

Утренній кофе для папы.

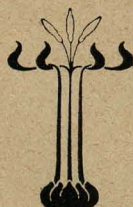
Водопадъ на рѣкѣ Замбезе въ Африкѣ.

БѢЛАЯ РОЗА.

(Сказка).

(Продолженіе).

Пришла какъ-то зима, снѣгъ сталъ падать большими хлопьями на землю и сдѣлалось такъ холодно, что дѣти принуждены были уже не выходить изъ дома и играли въ комнатахъ.

Развалившись на диванѣ, Бѣлая-Роза съ удовольствіемъ глядѣла на себя въ зеркало, висѣвшее передъ нею на противоположной стѣнѣ. Если-бы это зеркало могло отразить въ себѣ другую часть ея, болѣе цѣнную, чѣмъ ея тѣло, а именно ея душу, то едва-ли бы она была удовлетворена такъ, какъ теперь. Но она не сознавала въ себѣ своихъ дурныхъ качествъ и считала себя непогрѣшимой.

Легкій стукъ раздался въ дверь и нарушилъ ея мечты. Она была достаточно любопытна и потому обернулась, чтобы поглядѣть, кто это стучитъ. Вошла какая-то дама. Это была ея крестная мать. Она пріѣхала послѣ долгой разлуки, посмотрѣла на нее съ улыбкой и сказала:

— Милая Роза, какъ ты уже выросла! Ты такъ похорошѣла, что съ тобой не смогла-бы сравниться ни одна дѣвочка, твоя сверстница. Я очень рада за тебя, горжусь тобой и хочу показать тебя моимъ подданнымъ. Простись-же съ родителями!

Имъ, конечно, будетъ грустно разстаться съ тобой, но дѣлать нечего. Ты должна поѣхать ко мнѣ, и они ничего противъ этого имѣть не будутъ, когда узнаютъ, кто я, и что ты будешь гостить у меня.

Дѣвочка приглядѣлась къ ней и узнала ее. Это дѣйствительно была ея крестная мать «Гордость».

Роза тотчасъ-же стала собираться въ путь.

— Какъ это хорошо! сказала она.—Значитъ, я теперь больше уже не буду учить уроковъ, заниматься, читать и писать! Я буду все время бѣгать и играть! Вотъ отлично! Я такъ объ этомъ мечтала!

Разставаясь съ матерью и отцомъ, она почувствовала къ нимъ жалость и сердце ея на минуту наполнилось печалью. Но ей было чѣмъ развлечься и отвлечь свое вниманіе отъ родителей и потому ея слезы тотчасъ-же и обсохли.

Прибывшая дама и Бѣлая-Роза усѣлись въ карету, обтянутую розовымъ атласомъ, въ которую были впряжены два красивыхъ павлина, и отправились въ путь.

Сознавая величіе своей госпожи, павлины пышно распустили свои хвосты и медленно, но величаво по-

тянули за собой карету. Развалившись на подушкахъ, «Гордость» и Бѣлая-Роза стали обмахиваться вѣерами и не замѣчали, какъ на нихъ заглядывались толпы людей и спрашивали другъ у друга.—Кто это? Чья это прекрасная дѣвочка, сидящая рядомъ съ этой надменной особой?

Но всѣ эти люди были для нашихъ путешественницъ людишками, онѣ мало обращали на нихъ вниманія, а потому Бѣлая-Роза скоро задремала.

Когда она пробудилась и открыла глаза, то пріятная теплота разливалась по всему ея тѣлу. Свѣтило солнце, и ароматъ цвѣтовъ носился въ воздухѣ.

— Какъ здѣсь хорошо! воскликнула она, съ удивленіемъ оглядываясь вокругъ себя.

И не успѣла она еще порядкомъ разглядѣть той комнаты, въ которой находилась, какъ вошли четыре дѣвушки. Онѣ были прекрасны и выступали горделивой поступью. Онѣ такъ высокомерно держали себя, что дѣвочка стала нѣсколько ихъ бояться.

Онѣ поставили передъ ней корзину съ великолѣпной одеждой и стали ее одѣвать. Увидя на себѣ такіе наряды, о которыхъ даже нельзя было и мечтать, Бѣлая-Роза почувствовала, какъ сердце ея наполнилось удовольствіемъ. Она поглядѣла на себя въ зеркала, которыми была уставлена вся комната, и они ска-

зали ей, что она была очень хороша собою.

— Нѣтъ, зеркала тебя обманываютъ! послышался вдругъ ей чей-то насмѣшливый голосъ внутри ея самой.—Въ царствѣ гордости челоуѣкъ забываетъ и себя, и правду, и все на свѣтѣ и ему кажется, что все на свѣтѣ плохо, за исключеніемъ его самого. Нѣтъ, ты была-бы гораздо красивѣе въ своемъ коротенькомъ платьицѣ, чѣмъ въ этомъ пышномъ костюмѣ, который стѣсняетъ твои движенія и мѣшаетъ тебѣ ходить.

Дѣвочка обернулась, чтобы поглядѣть, откуда исходитъ этотъ надобный голосъ, который осмѣливается такъ рѣзко говорить ей правду въ глаза. Но предъ ней стояли четыре дѣвушки, почтительно склонившія надъ ней и ожидавшія отъ нея приказаній.

Бѣлая-Роза вышла изъ комнаты. Спустившись съ лѣстницы, она увидѣла себя въ роскошномъ паркѣ. Она хотѣла нарвать букетъ цвѣтовъ, но всѣ они были такіе дорогіе и такіе роскошные, что она побоялась до нихъ дотронуться. Напрасно она искала въ травѣ простенькую фіалку или маргаритку, которую не страшно было-бы сорвать: эти скромные цвѣты были не умѣстны въ садахъ Гордости и ихъ тамъ не сажали. Они были слишкомъ просты для того, чтобы расти тамъ, гдѣ все было чинно, пышно и горделиво.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Роза

увидѣла нѣсколькихъ дѣвочекъ, которыя важно расхаживали по травѣ, бросая другъ на дружку недружелюбные взгляды. Онѣ выступали такъ же гордо и неприступно, какъ и павлины.

— Не желаете-ли поиграть съ нами? обратилась къ ней одна изъ нихъ.

Но другая тотчасъ-же ее остановила.

— Развѣ можно играть съ неизвѣстными дѣвочками? сказала она.— Быть можетъ, ея папа и мама бѣдны или неизвѣстнаго происхожденія! Пусть она скажетъ сначала, какой чинъ или титулъ у ея папы? Богата ли у нея мать? Можетъ-ли она равняться съ нами своими положеніемъ и карьерой отца?

Бѣлой-Розѣ стало стыдно своего происхожденія, она пожалѣла, что она дочь только принца, а не короля, и она стала придумывать разныя небылицы, чтобы только эти дѣвочки повѣрили ей и приняли ее въ свою среду.

И вдругъ въ душѣ у нея заговорилъ все тотъ-же неизвѣстный ей голосъ:

— Но вѣдь это все наглая ложь! говорилъ онъ.—Ты попала во власть Гордости и теперь отказываешься отъ своихъ родителей, чтобы только на тебя обратили вниманіе чужіе для тебя люди, и приняли тебя въ свою среду. Ты говоришь о богатствѣ и вліяніи твоихъ матери и отца, но ты ни единымъ словомъ не обмолвилась сейчасъ о томъ, какъ они честны и добры. Впрочемъ, честность и доброта въ этомъ царствѣ

Гордости играютъ меньшую роль, чѣмъ богатство и красота!..

Дѣвочки приняли Бѣлую-Розу въ свою среду и стали съ ней играть. Но онѣ играли какъ-то невесело и церемонно, разсчитывая каждый свой шагъ и боясь, какъ-бы не помять своихъ костюмовъ.

— Это неприлично! говорили однѣ изъ нихъ.

— Это не принято въ высшемъ свѣтѣ! говорили другія.

— Развѣ можно смѣяться вслухъ? отвѣчали третьи.

Бѣлая-Роза играла съ ними и никакъ не могла понять, отчего у нихъ такъ невесело и отчего онѣ всѣ такія кривляки и ломаки?

— Ага! вдругъ снова заговорилъ въ ея душѣ все тотъ-же голосъ раскаянія.—Ты понимаешь теперь, какъ гордость мѣшаетъ людямъ веселиться и какъ она ломаетъ ихъ жизнь? Она не даетъ имъ нюхать и рвать тѣ цвѣты, которые они любятъ и хотятъ имѣть, она запрещаетъ имъ знакомиться съ тѣми, у кого незнатные родители, она стѣсняетъ ихъ движенія роскошными костюмами и самое ихъ веселье превращаетъ въ скуку! Ты думаешь, что гордые люди счастливы? О, нѣтъ! Для того, чтобы быть счастливымъ, надо любить и уважать другихъ, а гордцы думаютъ только о самихъ себѣ!

Бѣлая-Роза прислушивалась къ этому голосу внутри ея и ей было досадно и обидно, что она не умѣла и не находила словъ ему возразить.

Уже десять часовъ вечера. Маленькія дѣвочки возраста Бѣлой-Розы уже спятъ; но она еще не спитъ: въ царствѣ гордости это возможно. Она лежитъ одна въ большой, роскошно обставленной комнатѣ, на громадной постели, въ которой ее, такую маленькую, даже и не видно изъ-подъ массы одѣялъ и покрывалъ. Она съ печалью думаетъ о той своей маленькой кроваткѣ, въ которой ей придется снова спать, когда она возвратится къ себѣ домой. Около нея когда-то сиживала ея принцесса-мать и пѣла ей колыбельныя пѣсни, укачивая ее на ночь или просиживая около нея долгія ночи, когда Бѣлая-Роза была больна.

— Милая мама! вспоминаетъ вдругъ дѣвочка о матери.—Какъ ты всегда была добра ко мнѣ! Но развѣ ты можешь дать мнѣ все то, чѣмъ я пользуюсь теперь и что окружаетъ меня сейчасъ?

И вдругъ снова раздался около нея таинственный голосъ:

— А ты думаешь, что вся эта роскошь замѣнитъ тебѣ родную мать?

— Гадкій голосъ! воскликнула вдругъ Бѣлая-Роза и вскочила съ постели.—Перестанешь-ли ты? Ужъ въ который разъ ты надоѣдаешь мнѣ! Что-же, по-твоему, прежде для меня было лучше, чѣмъ теперь?

— Нѣтъ, отвѣтилъ голосъ.—Теперь тебѣ лучше, но зато ты сама стала хуже, чѣмъ была.

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить? Я пожалуюсь на тебя моей

крестной мамѣ и тебя выгонять отсюда вонъ!

— Хе-хе! отвѣтилъ голосъ.— Не выгонять! Надо мною нѣтъ ничьей власти во всемъ мірѣ, кромѣ Божьей. Я смѣло разговариваю со всѣми и всѣмъ указываю безъ всякаго стѣсненія на ихъ дурные поступки.

— Кто-же ты?

— Я—твоя Совѣсть. Но не бойся меня; я хотя и неприятна въ первыя минуты, но не зла. Постарайся помириться со мной и все попрежнему пойдетъ, какъ по маслу!

— Гдѣ-же ты сейчасъ?

— Я сижу у тебя за плечами. Куда-бы ты ни шла, я всюду слѣдую за тобой. Никакими силами ты не сможешь отдѣлаться отъ меня. Я очень ворчлива, но всегда права. Теперь я обидѣлась на тебя и не оставляю тебя до тѣхъ поръ, пока ты не помиришься со мной.

Дѣвочка обернулась, чтобы взглянуть на свою Совѣсть, но не увидала ея.

— Ну, что ты теперь скажешь о царствѣ Гордости? продолжала Совѣсть.—Что касается меня, то для меня здѣсь все забавно. Вотъ смотри! Всѣ эти дамы, которыхъ ты здѣсь видишь, совершенно не знаютъ, что такое простая, счастливая жизнь. Онѣ не понимаютъ, какъ можно жить независимо отъ платьевъ, отъ манеръ, онѣ не знаютъ, что такое истинная дружба и любовь къ ближнему, онѣ признаютъ только однихъ себя и

больше никого. Развѣ у тебя здѣсь есть хоть одна подруга?

Бѣлая-Роза опустила глаза.

— Нѣтъ, отвѣтила она. — Здѣсь всѣ для меня чужія...

— Въ такомъ случаѣ не желаешь ли подружиться со мной? спросила Совѣсть.

— А что я должна для этого сдѣлать?

— Слушаться только меня одну и больше никого. Кромѣ меня одной и твоихъ родителей тебѣ никто никогда не скажетъ правды прямо въ глаза. Но чтобы жить со мной въ дружбѣ, ты никогда не должна сердиться на

эту правду. Впрочемъ довольно на сегодня!—Пора спать! За то, что мы съ тобой, кажется, начинаемъ мириться, я сдѣлаю сейчасъ твой сонъ спокойнымъ и ты безмятежно проспешь до утра!

Бѣлая-Роза закрыла глаза и стала тихо и сладко засыпать. А на утро началась опять та-же горделивая жизнь. И всѣ упреки Совѣсти съ этихъ поръ не привели уже ни къ чему. Бѣлая-Роза не могла разстаться со своими положеніемъ и богатствомъ и голосъ Совѣсти въ ней скоро умолкъ.

Roussan «Rose Blanche».

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЛѢПОЙ И НИЩАЯ.

По тротуару шель слѣпой,
Себѣ просившій подаюня,
Но проходили всѣ толпой,
Не удѣливъ ему вниманья.

Старушка-нищяя брела
По той дорогѣ многолюдной, —
Она тотчасъ-же отдала
Ему свой заработокъ скудный.

И радъ былъ очень нашъ слѣпецъ,
Что онъ теперь ужъ не нуждался,
И думалъ такъ: — «Я наконецъ
Богатой барыни дождался!»

А. В. С.

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВЪ.

I.

Каждый годъ лѣтомъ вся семья Марьи Ивановны Волгиной, вдовы адмирала, собиралась у нея въ имѣ-

ніи, расположенномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ одного изъ городовъ на Кавказскомъ берегу Чернаго моря.

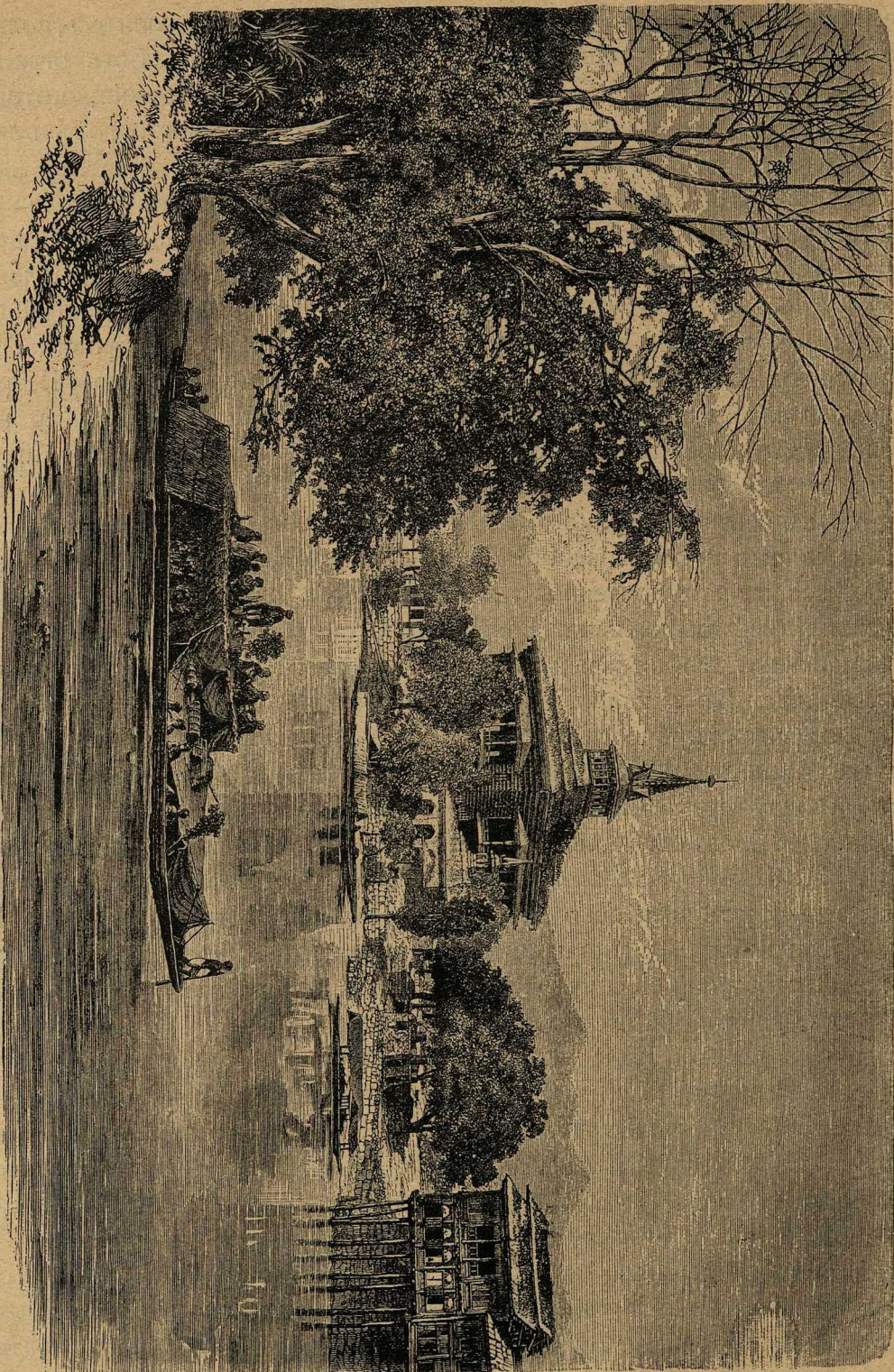

Кромѣ прелестнаго дома и большого сада, ей принадлежалъ еще кусокъ побережья и это-то придавало особую прелесть ея имѣнію. Прямо передъ окнами разстилалось необъятное сверкающее море. Широкая полоса золотистаго песку, мѣстами покрытаго водорослями, отдѣляла садъ отъ моря. Иногда во время прибоя волны почти заливали ее, оставляя узкую ленту, окаймленную бѣлой пѣной; во время отлива эта полоса сверкала на солнцѣ маленькими лужицами воды, которыя оставляло за собой убѣгавшее море. Тутъ-то на берегу проводили цѣлые дни, забывая о существованіи дома и сада, всѣ внучата почтенной восьмидесятилѣтней адмиральши. Вооружившись лопатками, ведерками, тачками, деревянными чашками, они изъ песку воздвигали крѣпости со рвами, или же рыли озера, наполнявшіяся морской водой черезъ искусно сдѣланные каналы. Туда спускались цѣлыя флотиліи самаго разнообразнаго состава, начиная съ прекрасно сдѣланной модели рыбацѣй лодки и кончая орѣховой скорлупой со спичкой вмѣсто мачты. Иногда они просто искали раковины, которыхъ была масса.

Марья Ивановна Волгина была хворая и слабая восьмидесятилѣтняя старушка и почти ни во что не вмѣшивалась. Когда утромъ и вечеромъ всѣ шалуны прибѣгали ее поцѣловать, то она ласково улыбалась имъ и на ихъ:— «Здравствуй, бабусенька, бабинька, бабушка», повторенные на всѣ лады, отвѣчала:— «Здравствуй-

те, родныя дѣтки, веселитесь, пользуйтесь свободой!» И этимъ ограничивались ея распоряженія, которымъ всѣ, конечно, съ восторгомъ повиновались, потому что пріятнѣй ничего нельзя было выдумать. Бабушка была королевой, но исполнительная власть въ дѣйствительности принадлежала Александрѣ Сергѣевнѣ Волгиной, ея невѣсткѣ, и Иринѣ Петровнѣ Греминой, ея дочери. Ирина Петровна Гремина давно овдовѣла, а мужъ Александры Сергѣевны Михаилъ Петровичъ Волгинъ, капитанъ миноносца, находился въ далекомъ плаваніи въ Китаѣ. Не мало труда было обѣимъ матерямъ справляться съ буйной ватагой дѣтей. Ихъ было восемь человѣкъ. Изъ нихъ двое Греминыхъ Андрюша, самый старшій изъ всей компаніи, ему четырнадцать съ половиной лѣтъ, и Костя одиннадцати лѣтъ; старшая изъ дѣтей Волгиныхъ Женя, тоже четырнадцати лѣтъ; потомъ Вася годомъ моложе ея, потомъ десятилѣтніе близнецы Ваня и Маша, восьмилѣтній Коля и толстый трехлѣтній бутузъ, названный Михаиломъ въ честь отца и прозванный Мишуткой въ отличіе отъ него. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности былъ очень пріятнымъ ребенкомъ, но всѣ вмѣстѣ составляли буйную ватагу, раззадоривая и подстрекая другъ друга на всякія невозможныя выходки. Самое ужасное въ нихъ было то, что самыя буйныя, непозволительныя выходки ихъ невозможно было прослѣдить и наказать за нихъ виновныхъ, такъ какъ

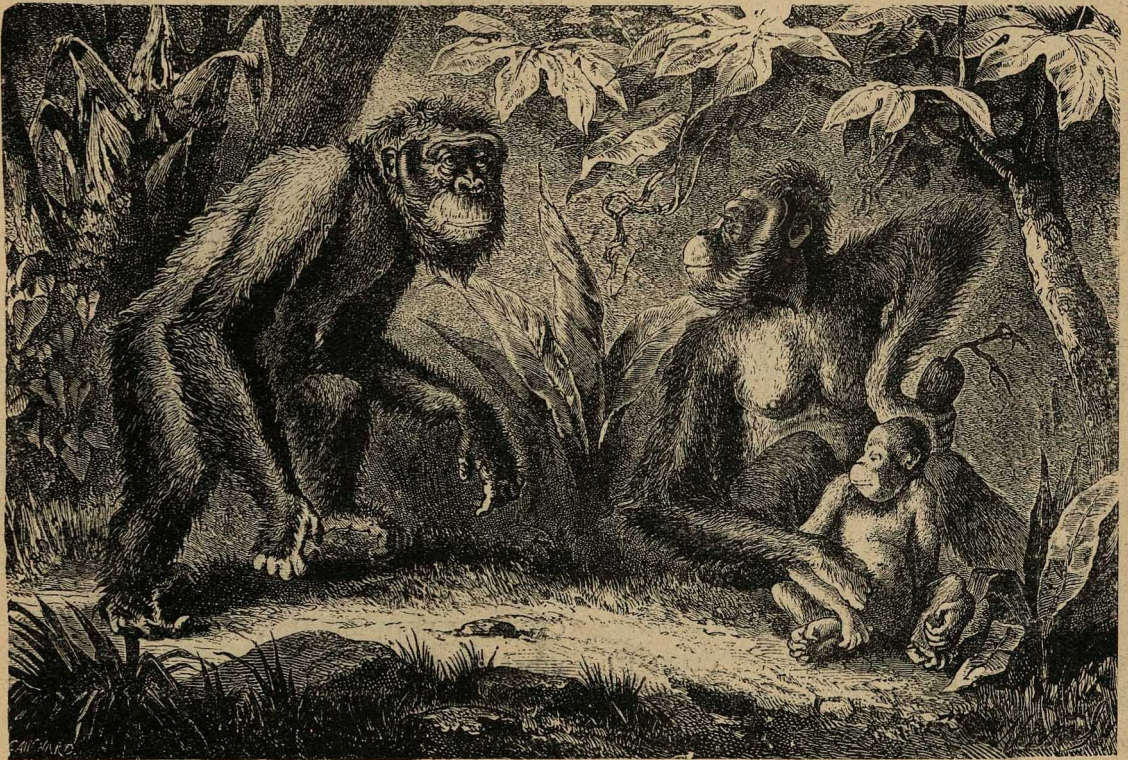
Храмъ въ Камениръ, въ Ази.

всѣ принимали вину на себя и такъ запутывали дѣло, что высшая власть не могла ничего разобрать. Чтѣ бы ни случилось, всѣ оказывались замѣшаны: одинъ придумывалъ, другой продѣлывалъ, третій помогалъ и въ концѣ концовъ самъ премудрый Соломонъ не разсудилъ бы справедливо.

и крики не будутъ беспокоить и утомлять добрую бабушку. Матери довольствуются тѣмъ, что отъ времени до времени приходятъ наблюдать за играми, а къ завтраку и обѣду дѣтей призываетъ колоколь, висящій у дверей дома.

Хорошо жилось лѣтомъ у бабушки!

Семья орангъ-утанговъ.

Обѣ матери отчаялись и рѣшили предоставить на время каникулъ всю ватагу на волю судьбы; прислуги у нихъ не много и всѣ онѣ заняты домашней работой; наконецъ берегъ, кажется, вполне безопасенъ и дѣти съ утра и до вечера находятъ себѣ на немъ занятія, а такъ какъ онъ сравнительно далеко, то ихъ шумъ

Но на душѣ у женъ, сестеръ и матерей моряковъ никогда не бываетъ совсѣмъ ясно, и слухи о буряхъ и гибели какого-то военнаго судна недалеко отъ Китая взволновали взрослыхъ, которыя тщательно скрывали свое беспокойство отъ дѣтей. Это были очень неосновательные слухи изъ газетъ, имя судна не было названо,

но адмиральша, видя волненіе Александры Сергѣевны, и сама разстроенная, предложила невѣсткѣ съѣздить въ губернской городъ и навести справки, а такъ какъ надо было тамъ похлопотать и навѣдаться въ нѣсколько мѣстъ, то Ирина Петровна предложила Александрѣ Сергѣевнѣ сопровождать ее.

— А дѣти съ кѣмъ останутся? задумчиво спросила Александра Сергѣевна.

— Ну, авось за одни сутки они не очень напроказятъ, отвѣчала Ирина Петровна, къ тому же съ ними останутся Аксинья и Гаврило, горничная и няня. Аксинья и Гаврило были старые слуги, которымъ очень довѣряла бабушка.

Няня была прекрасная, но, къ сожалѣнію, очень слабохарактерная женщина; но такъ какъ дѣти къ ней привыкли и она не такъ занята домашними дѣлами, то ей въ особенности и поручили присмотрѣть за дѣтьми. Няня, конечно, должна была въ важныхъ случаяхъ обращаться къ адмиральшѣ, которая, въ свою очередь, всю свою власть передала Аксиньѣ, дѣятельной, умной, рѣшительной женщиной, давно заслужившей всеобщее довѣріе. Къ сожалѣнію, она не могла всюду поспѣвать, а время ея все уходило на заботы объ адмиральшѣ, которая только и существовала благодаря ея неусыпному вниманію и строгому порядку. Такимъ образомъ Аксинья не могла очень слѣдить за дѣтьми. Къ счастью, обѣ матери не

долго будутъ отсутствовать; эта мысль облегчала оставшимся всю тяжесть ихъ отвѣтственности за дѣтей. И такъ, отъѣздъ назначенный на другой день въ полдень, состоялся. Дѣти собрались всѣ провожать своихъ матерей; посыпались безконечныя порученія съ одной стороны и наставленія съ другой:

— Голубчики, ведите себя какъ слѣдуетъ.

— Мамочка, ради Бога не забудь новую голову для моей куклы.

— Будьте осторожны, дорогія дѣти.

— Мамуся, не забудь привезти пирожныхъ.

— Я хочу карамелекъ.

— Я хочу бисквитовъ.

— А мнѣ привези ванильных сухариковъ!

— Не забудьте помолиться передъ сномъ!

— Будь покойна, мама, не забудемъ; только запиши пожалуйста на листокъ съ порученіями, что мнѣ нуженъ мячъ!

— Женичка, смотри за Мишуткой; я вообще поручаю тебѣ братьевъ и сестру, но въ особенности маленькаго.

— Мама, ты не забудешь поларшина канвы!

— Старайтесь не шумѣть, чтобы не беспокоить бабушку, и слушайте Аксинью.

— Конечно, мама! Будь покойна, тетя! Тетечка милочка, напоминай, пожалуйста, мамѣ всѣ наши порученія, будь такъ добра!

Наконецъ коляска тронулась и ей вслѣдъ полетѣли воздушные поцѣлуй и загорѣвшія на солнцѣ руки долго махали платками.

II.

Дѣти чувствовали себя выбитыми изъ колеи; мысль о томъ, что мамы нѣтъ, какъ-то сдерживала каждого изъ нихъ и стѣсняла ихъ полную донинѣ свободу, къ тому же они не успѣли забыть послѣднія наставленія, хотя и выслушанныя не очень внимательно. Они собрались за грядкой подсолнуховъ и стали совѣщаться.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать?

Прежде всего уйдемъ подальше отъ дома, такъ какъ приказано не шумѣть и не беспокоить бабушку, а мы навѣрно начнемъ кричать.

— Да, пойдѣте на берегъ, тамъ ужъ мы придумаемъ, что дѣлать.

Они прошли садомъ и спустились къ берегу по ступенькамъ, высѣченнымъ къ каменной грядѣ, отдѣлявшей садъ отъ берега и служившей основаніемъ зеленому забору. Обыкновенно дѣти съ особеннымъ удовольствіемъ играли на берегу, но въ этотъ день, перевернувшій всѣ ихъ привычки, они не могли ничего придумать, вяло и неубѣдительно предлагали каждый какую-нибудь игру, отъ которой всѣ единогласно отказывались. Не зная, что затѣять, они бродили, повѣся носы, и наконецъ наткнулись на маленькую бухточку, образовавшуюся при впаденіи ручейка въ море и заслоненную большой ска-

лой, подъ которой обыкновенно укрывались двѣ—три рыбацкихъ лодки. Въ настоящую минуту тамъ стояла всего только одна лодка, привязанная веревкой къ колу, воткнутому въ песокъ.

— Смотрите, вотъ лодка стараго Мустафы! сказалъ Вася.

Онъ взялъ багоръ, валявшійся на берегу, и притянулъ лодку къ себѣ. Она вѣзлась носомъ въ песокъ, на которомъ ясно были видны сквозь прозрачную и неглубокую воду раковины и разноцвѣтные круглые камешки.

— Давайте попробуемъ влѣзть въ лодку, предложилъ Вася.

— Ладно, сказалъ Андрюша,— влѣземъ, это занятно!

— Когда лодка привязана, это совсѣмъ не занятно, возразилъ Костя.

— Будьте осторожны, не уроните Мишутку въ воду, закричала Женя. Вотъ надѣлаете бѣды!

— Упасть немислимо, возразилъ Вася и прошелъ по плоскому камню, къ которому они подтащили лодку.

Дѣйствительно, благодаря этому камню было очень легко взойти на лодку, даже слишкомъ легко, гораздо лучше было бы для дѣтей, если бы это развлеченіе имъ не такъ легко удалось и сразу представило бы какое либо затрудненіе. Но въ это время, произошло волненіе, гребни приборя подняли лодку, веревка, которой она была привязана къ колу, натянулась и стала дергаться.

— Мы плывемъ! закричали въ восхищеніи дѣти, мечтавшія про-

катиться по морю, что имъ рѣдко удавалось, благодаря отсутствію дяди Миши. Только старшимъ мальчикамъ Андрюшѣ и Васѣ позволяли учиться грести и управлять парусомъ у старика Мустафы, такъ какъ и они готовились въ моряки. Но и имъ однимъ безъ старшихъ всетаки запрещено было выходить въ море.

— Да, было бы конечно пріятно, сказалъ не безъ горечи Андрюша, — прокатиться на веслахъ! Морегладкое, какъ зеркало, я увѣренъ, что еслибы мама видѣла, какъ теперь тихо, то она позволила бы намъ поѣхать.

— Только безъ маленькихъ, замѣтила Женя, они очень непокойно сидятъ въ лодкѣ.

Но маленькія заявили, что они могутъ быть покойны, когда нужно, и дѣйствительно они смиренно сидѣли всѣ рядышкомъ, и слушали разговоры старшихъ. Въ то время, какъ веселая компанія болтала, веревка плохо привязанная, а можетъ быть и только обмотанная вокругъ кола, соскользнула и упала въ воду, волны подхватили лодку и мѣрно, спокойно вынесли ее вмѣстѣ съ дѣтьми въ море. И она понеслась неизвѣстно куда, унося своихъ юныхъ пассажировъ; ихъ отнесло уже довольно далеко отъ берега, какъ вдругъ Андрюша закричалъ:

— Веревка оборвалась, мы въ открытомъ морѣ!

Тонъ его голоса былъ скорѣе радостный, чѣмъ безпокойный, а Вася,

добившійся наконецъ того, о чемъ мечталъ, прибавилъ:

— Ну, такъ что-жъ? Нѣсколько ударовъ веселъ и мы вернемся домой благополучно!

— Да, но если старшіе узнаютъ о нашемъ путешествіи, сказала Женя, то намъ достанется на орѣхи; насъ накажутъ!

Андрюша былъ чѣмъ-то очень озабоченъ и не слушалъ сестру.

— Гдѣ же весла? сказалъ онъ. — Куда дѣвались весла? Поднимите-ка ноги, малыши, надо посмотрѣть подъ скамью. Костя, ищи!

— Нигдѣ нѣтъ, отвѣчала Костя.

— Вотъ такъ штука! проговорилъ Андрюша. — Дѣло осложняется; кстати я припоминаю, что этотъ старый дурень Мустафа уноситъ ихъ всегда съ собой. Какъ это глупо съ его стороны!

— Что же намъ дѣлать?

— Не знаю, отвѣтилъ Вася. У меня есть багоръ; я посмотрю, достаетъ ли онъ до дна! Можетъ быть, намъ и удастся такимъ образомъ какъ-нибудь причалить къ берегу, а то вѣдь страшно... Насъ можетъ унести...

III.

Онъ погрузилъ багоръ въ море; увы, руки его исчезли въ водѣ, а дна онъ такъ и не досталъ.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать безъ веселъ? спросила встревоженная Женя. Она начинала уже понимать, что имъ грозила опасность.

— Ничего мы сдѣлать не можемъ,

насъ будетъ теперь уносить теченіе, сказалъ внезапно поблѣднѣвшій Вася.

Всѣ со страхомъ посмотрѣли на Андрюшу, но онъ подтвердилъ только молча, кивкомъ головы, слова двоюроднаго брата.

— Но это ужасно! закричала Маша, первая нарушивъ тягостное молчаніе; давайте всѣ вмѣстѣ кричать, и звать на помощь, можетъ быть насъ и услышатъ!

Женя остановила ее.

— Что ты говоришь, подумай? сказала она. — Бабушка услышитъ наши крики, испугается и это можетъ убить ее.

— Ну, тогда попробуемъ что-нибудь другое, предложила Маша, которая вообще была очень изобрѣтательна. — Давайте навяжемъ на багоръ чей-нибудь платокъ и будемъ имъ махать. Этотъ сигналъ могутъ замѣтить, и такимъ образомъ мы никакого шума не произведемъ.

Всѣ нашли эту мысль превосходной и сейчасъ же выполнили ее. Но тщетно Ваня размахивалъ этимъ флагомъ; съ берега, который былъ довольно пустыненъ, никто не отвѣтилъ на ихъ нѣмой призывъ. Между тѣмъ теченіемъ продолжало уносить лодку въ открытое море. Ваня былъ трусливъ, не выдержалъ и сталъ плакать. Мишутка, не понимая въ чемъ дѣло, послѣдовалъ его примѣру.

— Слушайте, воскликнулъ строго Андрюша: — я старшій и потому вы всѣ должны меня слушать; не ревите, малыши, вы только смущаете насъ

слезами и жалобами и пугаете нашихъ женщинъ и дѣтей. Мнѣ и Васѣ нужно все наше присутствіе духа, чтобы помочь намъ выбраться на берегъ. Нечего такъ отчаяваться: дѣло не такъ страшно, какъ вы полагаете. Море совсѣмъ спокойно, переменны погоды не предвидится, до ночи еще далеко, и очень возможно, что мы встрѣтимъ чью-нибудь рыбацью лодку или насъ возьмутъ на буксиръ и доставятъ на берегъ.

— Во всякомъ случаѣ намъ ужасно достанется, замѣтила Женя, — и насъ непременно накажутъ!

— Все равно! рѣшительно отвѣтилъ Андрюша; мы заслужили наказаніе и какъ-нибудь перенесемъ его.

Это вѣрное и рѣшительное замѣчаніе заставило всѣхъ на минуту задуматься, точно каждый провѣрялъ свою совѣсть. А тѣмъ временемъ берегъ все болѣе и болѣе удалялся и расплывался въ далекой синевѣ пространства. Уже нельзя было различить ни дома, ни купальни, ни маяка вдали. По мѣрѣ того какъ исчезали всѣ эти знакомые предметы, сердца нашихъ невольныхъ пассажировъ все сильнѣе сжимались.

— Что скажутъ мама и тетя, когда вернутся завтра вечеромъ и не застанутъ насъ дома! жалобно заговорила Женя.

— Завтра вечеромъ еще далеко, отвѣчалъ ей старшій братъ.

Но она продолжала жаловаться:

— Бѣдная, дорогая мамочка! За-

чѣмъ мы не слушались ее и влѣзли въ эту отвратительную лодку!

Тутъ Женя замѣтила, что ея жалобы угнетающе дѣйствуютъ на малышей и особенно на ея любимца Мишутку, и постаралась сдержаться. Къ тому же не надо было отвлекать вниманіе двухъ будущихъ моряковъ, которые заботились, какъ умѣли, о судьбѣ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что передъ ними было довольно важное затрудненіе. Съ берега можно было всегда видѣть рядъ скалъ образовывавшихъ серьезное препятствіе при морскомъ волненіи, для того, кто не зналъ пути, потому что кромѣ подводныхъ камней была еще и отмель, обнаруживавшаяся только въ хорошую погоду. Море было очень спокойно, слѣдовательно лодкѣ не угрожала опасность разбиться о подводные камни, и гораздо вѣроятнѣе было, что они сядутъ на мель. Андрюша и Вася вполголоса обмѣнивались своими предположеніями.

Андрюша стоялъ на носу съ багромъ въ рукахъ, какъ вѣрный стражъ, и готовился багромъ отталкиваться отъ камней и опредѣлять глубину проходовъ. Лодку уносило по теченію по волнамъ безъ всякаго направленія, какъ жалкій обломокъ, и все же она прошла мимо скалъ и отмели, точно ею управляла невидимая рука. Старшіе изъ дѣтей, которые понимали—какой опасности они подвергались, вздохнули свободно, когда скалы остались позади. Слава Богу, что хоть одна опасность мино-

вала! Но по ту сторону скалъ, когда передъ ними оказалось открытое, безграничное море, ихъ, развѣ за исключеніемъ Мишутки, охватилъ невольный страхъ. Наступило подавленное молчаніе, и сонный малютка, воспользовавшись тишиной, чтобы заснуть, положилъ голову на колѣни къ старшей сестрѣ и забылся сладкимъ сномъ. Женя, закрывшись широкополой шляпой, тихо плакала, стараясь скрыть отъ другихъ дѣтей свое горе; ее выдавали только изрѣдка крупныя слезы, падавшія на бѣлокурую головку спящаго братишки. Видя слезы кузины, Костя сталъ громко рыдать; Коля, Ваня и Маша послѣдовали его примѣру; старшіе братья, сидя на носу лодки, тщетно искали взоромъ на пустынныхъ волнахъ неожиданной помощи, стараясь сохранять хладнокровіе.

Былъ моментъ, когда они увидели, или имъ показалось, что они видятъ далекій бѣлый парусъ, похожій на крыло чайки, скользящей надъ моремъ. Они опять стали размахивать платкомъ, навязаннымъ на багоръ, но этотъ слабый проблескъ надежды быстро исчезъ.

На морѣ ничего не было видно... Парусъ скрылся. Тутъ-то и мальчики, эти будущіе моряки, почувствовали, что мужество начинаетъ покидать и ихъ. Но взгляды на остальныхъ дѣтей вернулъ имъ самообладаніе и они пожали другъ другу руку, какъ настоящіе маленькіе храбрецы, готовящіеся грудью встрѣтить опасность.

Въ ту же минуту, точно Господь сжалился надъ ними; гонимая течениемъ лодка медленно повернула и они замѣтили невдалекѣ черную, неясную массу, выдававшуюся изъ воды. Были ли то островокъ, большая скала, или земля, или же, какъ предполагала фантазерка Маша, это была спина громаднаго кита? Последнее предположеніе было сейчасъ же отвергнуто, такъ какъ эти морскія чудовища не заходятъ въ Черное море. Зато все яснѣе становилось, что теченіе гонитъ лодку къ небольшому островку.

— Намъ надо непременно пристать къ этой скалѣ! воскликнулъ Андрюша, — солнце садится, ночи теперь стали уже длиннѣе; насъ можетъ унести къ утру такъ далеко, что мы и не встрѣтимъ рыбаковъ, и навѣрно погибнемъ.

— Хорошо бы причалить, отвѣчалъ пугливо Вася, — но какъ управлять лодкой? Если предоставить ее теченію, то она легко можетъ пройти мимо островка, и мы снова окажемся въ открытомъ морѣ.

— Постой, у меня есть мысль...

Женя перейди съ Мишуткой на носъ и пусти меня на свое мѣсто! Пусть остальные сидятъ на боковыхъ скамейкахъ! Вася, иди ко мнѣ на помощь!

Никто не могъ понять, чего онъ хочетъ, но увѣренный тонъ его заставилъ всѣхъ безпрекословно ему повиноваться. Онъ отодралъ отъ лодки поперечную скамью и, опустивъ ее одинъ конецъ въ воду съ кормы, образовалъ изъ нея родъ руля.

— Ахъ! сказала Женя, еслибы ты догадался сдѣлать это тамъ, около берега, когда началось наше ужасное приключеніе!

— Трудно сразу догадаться, отвѣчалъ Андрюша, — хорошія мысли никогда не приходятъ во время; теперь однако не время разсуждать!

Наши моряки удвоили старанія; къ счастью разстояніе было не велико, иначе ихъ не хватило бы на долго. Вася размахнулся багромъ изо всей силы зацѣпился за большой камень, выдававшійся на песчаной отмели, и лодка причалила къ островку.

Е. Ш.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

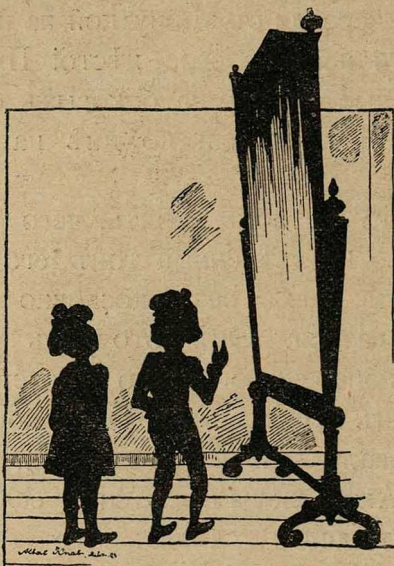
I.

Даны три слова: муха, тараканъ и соловей.

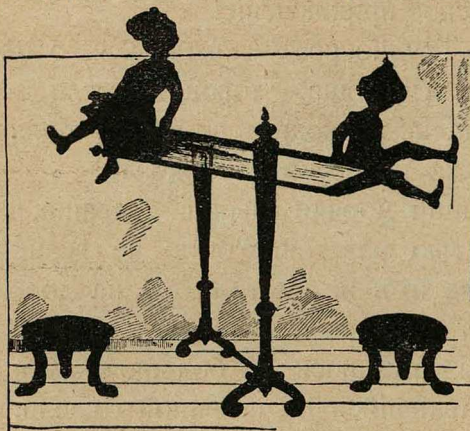
Взять отъ cadaго изъ нихъ по одному слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее названіе насѣкомаго.

II.

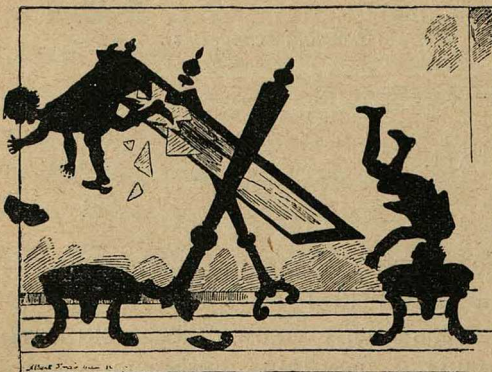
Если взять названіе уѣзнаго города Псковской губерніи и прибавить къ нему окончаніе —скій, то получится фамилія извѣстнаго русскаго писателя. Какъ фамилія писателя?

— Не устроить-ли намъ изъ этого зеркала качели?

— Давай попробуемъ!

Попробовали...

Решение ребуса и ариомографа, помпценныхъ въ № 20 «Золотого Дѣтства».

Ребусъ № 10. Въ до + ль до + рогъ и у кустъ + о + въ че + ре + мухи пас + лось стадо. = Вдоль дороги у кустовъ черемухи паслось стадо.

Ариомографъ. Роза, коза, вода, вакса, доска, водка, озеро просо, кротъ, веревка, паровозъ, дрова, сорока, карета, постъ. Задуманное слово — Петрозаводскъ.

Решение головоломки и ариомографа, помпценныхъ въ № 21 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I). Кинематографъ. II) *Малина, Караванъ, Родина, Навага.* Задуманное слово = Макарона. III). Подъ + вода = подвода, IV). *Ко-мета, Рыбакъ, Топоръ.* Задуманное слово = корыто. V). *Куликъ, Кулакъ, Рубашка, Заборъ.* Задуманное слово = Кукуруза.

Ариомографъ. Сорока, сестра, коза, строка, астра, краска. Задуманное слово = Стрекоза.

Верныя ршенія прислали: Тамара и Марія Гурьяновы, Варя Короткова, Миша Алексѣевъ, Жоржъ Орѣховъ, Леля Лаврова изъ Кротова Псков. губ., Надя Иванова, Лиля Петринцева, Володя Игнатовъ, Петя Степановъ, въ Спб., Петръ Каравасевъ, Женя Носкова, Лиза Серебренникова, Надя и Вѣра фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Ната Скорнякова, Павликъ Строевъ, Миша и Вася Горталовы изъ Вологды, Нина Кривницкая, Витя Оконниковъ, Надя Григорьева, Нина и Женя Цѣшковскія со ст. Урмары, Витя Быстричій изъ Царицына, Гога Александровъ, Сережа Новиковъ, К. Григорьева изъ Нахичевани-на-Дону, Леля Лавровскій въ Спб., Милица Алфѣрова въ Спб., Леля Салтанова изъ Рыбинска, Толя и Жоржикъ Чеботаревы, изъ Ржева, Paul Siff изъ Ржева, Сандро Антиповъ, Аля Болдырева, Тамара Саплицъ, Фрида Фалькенштейнъ.

Отъ редакціи

Это уже предпоследній номеръ „Золотого Дѣтства“ за текущей годъ. Не забудьте, что съ 1-го Ноября начинается новый подписной годъ, съ новыми приложениями, съ новыми рассказами, головоломками, ребусами, съ массой рисунковъ и проч. и проч.

Подробности — на обложкѣ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.

1911

ОТКРЫТА ПОЧТОВА

1911

Годъ изданія четвертый

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Романы, повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга „Въ тепломъ гнѣздышкѣ“ — сборникъ интересныхъ рассказовъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ (12 печатныхъ листовъ). Въ отдѣльной продажѣ эта книга будетъ стоить 1 р. 50 к.

Имѣемъ отзывы, что по содержанию и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Продолжается подписка на иллюстрированный журналъ для дѣтей „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ на текущій 1910 годъ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ). Романы, повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: вырѣзные выкройки для дѣтскихъ костюмовъ, картонажи для склеиванія, игры, занятія, литературныя приложенія и т. п.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.